

Уважаемые читатели! Эта статья была написана в 1987 г., но была «зарублена» редакцией журнала «Мировая экономика и международные отношения» как несоответствующая установкам решения XXVII съезда партии. (Под статьей подробное объяснение.) Не очень давно перечитав ее, я удивился, насколько она актуальна и для современных дней. Поэтому я и решил опубликовать ее на своем сайте, сохранив дословно текст оригинала, включая и стиль.

«Новая» философия во внешней политике: от «дефицита идеализма» к уступкам здравому смыслу

Все вдруг стали мыслить по-новому. И экономисты, и философы, и политики, и писатели. Эпоха Нового Мышления! Появилась Новая философия, Новая экономика, Новая литература. Новизна не обошла стороной и внешнюю политику. Это и естественно. Потому что внешней политике приходится решать самую актуальную проблему современности – проблему войны и мира. Проблема проблем! Фактически речь идет о спасении человеческой цивилизации. Это уже ясно как божий день. Не ясно другое: кто и что спасет мир? Говорят и пишут, что на этот вопрос отвечает «концепция нового политического мышления». Попробуем разобраться, что это такое.

Для начала обратимся к взглядам непрофессионалов. Тем более, как сказал Е. Евтушенко, «политика – это не элитарная привилегия профессиональных политиков. Политика – это привилегия всех». Верно. Рассмотрим, как воспользовались этой привилегией писатели и поэты.

Концепция «неотразимой безоружной истины», или красота спасет мир

В 1922 г. гениальный поэт Велимир Хлебников писал:

Если я обращаю человечество в часы,

И покажу, как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времени полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица?

Кто же двигает эти стрелки к опасной черте? Авдий Каллистратов, герой романа Ч. Айтматова «Плаха» считал, что это не тот бог, который планировал Апокалипсис. А «Новый Бог – Бог Голиаф, подобно чуме поразивший сознание всех до единого жителя планеты своей религией, развратный и универсальный, религией превосходящей военной силы». Именно этот Бог Голиаф, как вещает чингизайтматовский Иисус Христос, «землю превратил в могильник общего позора!... то, на что Твоя рука не поднялась бы, сам человек преступно совершил... Так знай же, правитель римский, конец света не от меня, не от стихийных бедствий, а от вражды людской грядет».

Таков прогноз-предупреждение, прогноз-предостережение. Слава тому же богу, конец света пока не грянул. Пока... Как обесконечить это «пока»? Или иначе. Что испугает Бога Голиафа, что предотвратит «вражду людей»? Может быть, призыв того же Хлебникова: «Люди! Утолим вражду в солнечном свете!»

Вернемся к Евтушенко. В речи на VII конгрессе международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» он страстно выступил против «дефицита идеализма», ставшего, по его мнению, причиной Освенцима, Хиросимы, вьетнамской войны. «Самоспасение человечества от ядерной катастрофы» Евтушенко видит в «идеализме», наполненном содержанием свободы, равенства, братства. Ну, прямо, совсем как по Руссо. «Красота и совесть спасут мир», – торжественно провозглашает поэт. И в этом суть «неотразимости безоружной истины». Осталась самая малость – убедить, внушить и привить (естественно, без насильственного навязывания) эти прекрасные качества роду человеческому и ... мир спасен! Виват силе общепримирующей красоты!

Ч. Айтматов больше доверяет разуму, нежели этике и эстетике. «...в мире, считает его герой Авдий, – существует некий общий баланс человеческих тягот, люди – единственно мыслящие существа во вселенной, и эти их свойства – хотим мы того или нет – превыше всего, что их разделяет. И мы придем к этому, несмотря

на все наши противоречия, и в этом спасение разума на земле». Следовательно, мысль, разум спасут мир.

Но вот загвоздка. Все эти замечательные доводы, призывы могут остаться не услышанными теми, кто неистово служит Богу Голиафу. А если и услышат? Услышат наверняка. Да только что изменится?

Оставим в покое писателей и поэтов. Им без идеализма не обойтись – такова их профессия. Значительно опаснее идеализм политиков, поскольку они ближе к тем самым кнопкам, от которых зависит судьба человечества.

Концепция «нового» мышления, или «Ребята, давайте жить дружно!»

Среди советских детей заслуженной популярностью пользуются мультфильмы про кота Леопольда. Каждая серия заканчивается его призывом: «Ребята, давайте жить дружно!»

Как ни странно, именно этот детский призыв, видимо, послужил фундаментом философской платформы «нового» мышления во внешней политике. Идеализм поэтический трансформировался в идеализм политический. В концентрированной форме идеи «Нового» мышления были изложены в статье «Новая философия внешней политики»¹, принадлежащей перу академика Е.М. Примакова. Интересна эта статья и потому, что в ней теоретически обоснована внешнеполитическая практика Советского Союза за последние два года. А раз так, то ее анализ позволяет соотнести теорию и практику внешней политики, т.е. идеи и результаты их претворения.

Так, в чем же суть «нового» в философии внешней политики? Поскольку в практической области главным является решение вопроса о войне и мире, рассмотрим поначалу, как эта сфера «решается» теоретически. Справедливо увязывая данный вопрос с проблемами безопасности, автор выдвигает четыре положения.

¹ Правда, 10 июля 1987 г.

Первое формулируется так: «политическим мерам в области безопасности нет надежной альтернативы», поскольку стратегический паритет, оказывающий сдерживающее воздействие на стороны, во-первых, аморален, во-вторых, не надежен. Речь явно идет о военной безопасности.

Совершенно верная, хотя отнюдь и не новая мысль. Об «аморальности» войны и вообще военных средствах говорят и пишут не один век, а о «надежности» также сказано немало за последние два десятилетия.

Более свежо звучит второе положение, вытекающее из оборонной доктрины стран Варшавского договора: отказ первыми применять ядерное оружие и внедрение в военное планирование принципа «разумной достаточности» военных средств. Избегая количественного определения «разумности» военных средств, Примаков делает упор на ее качественный аспект – «необходимость каждой стороны избежать ответного разрушительного удара». Ссылаясь на западные оценки, он приводит процент «неприменимого ущерба»: потеря 60% промышленности и около 30% населения. Оставляя пока в стороне анализ причины выдвижения принципа «разумной достаточности», хотелось бы выяснить, каким образом определяется эта самая «разумность»? Каков уровень и какова глубина «разумности» дает эффект 60 и 30% или эффект «ответного разрушительного удара»? Может ли столь размытая категория как «разумность» служить базой для переговоров с США? Ведь совершенно очевидно, что противная сторона будет иначе трактовать термин «разумности». В результате действительно «новое» слово в области оборонной доктрины так и останется красивой фразой, что позволяет нам вместе с Евтушенко рассчитывать на красоту, которая спасет мир.

Третье положение – призыв к всеобщей, универсальной безопасности, охватывающий все регионы и различные сферы (военную, экономическую, политическую, гуманитарную). Что касается сфер, то такого типа безопасность уже давно «увязана» в политике великих капиталистических держав, в их доктринах «комплексного обеспечения безопасности». Достаточно напомнить, что обострение отношений на рубеже 70-80-х годов между США и СССР по вопросам вооружения сразу же негативно отразились на торгово-экономических связях сторон. Именно принцип «увязки сфер» ухудшает общее состояние отношений между

социалистическими и капиталистическими государствами, так как сбой в одной сфере автоматически ведет к сбою в других сферах. Наоборот, с точки зрения интересов Советского Союза, выгоднее отстаивать принцип отделения политики от экономики, который в свое время позволял даже в условиях ухудшения политических отношений с теми или иными капиталистическими странами продолжать наращивание экономических связей, например, с ФРГ, Англией, Японией. Постулируя же принцип «увязки», авторы «нового» мышления по сути дела, во-первых, внедряют утопическую мысль о возможности единомыслия по такой сложной теме как гуманитарная область, в отношении которой наличествует несовместимая идеологическая разнородность. На деле же реализация этого принципа заведет внешнюю политику в тупик.

Еще больший идеализм сквозит в призыве к универсальной безопасности, подкрепленный четвертым положением – призывом к отказу от «горизонтального направления конфронтации между СССР и США, Варшавским договором и НАТО» на другие районы и конфликтные ситуации. По сути дела все эти предложения означают призывы: Господа американцы! Откажитесь от концепции неоглобализма! Оставьте в покое Латинскую Америку, Африку, Ближний Восток. Давайте разоружаться! Ребята! Давайте жить дружно! Ах, не хотите? Ну ладно. Тогда мы продемонстрируем Новое мышление. Пойдем, так сказать, на уступки ради «здравого смысла». Для начала, так и быть, закроем глаза на английские и французские ракеты. Ерунда, каких-то 200 ракет. Что? Опять не устраивает? Может быть вы удовлетворитесь прекращением в одностороннем порядке ядерных взрывов? Пожалуйста. С 6 августа 1985 г. и в течение полутора лет мы прекратили ядерные испытания. Вновь не угодили? Нате вам еще одно «компромиссное» предложение – вычленим проблемы ракет средней дальности в Европе из рейкьявикского пакета. Вот вам проект договора о ликвидации советских и американских РСД и сокращения ракет пониженной дальности (ОПР). Ваш же «нулевой вариант». Опять не так. Вас волнует 100 боеголовок в азиатской части? Ладно, уберем и их – «двойной глобальный нулевой вариант». Видите, как звучит красиво! Проявили здравый смысл. И что же?

Подсчитываем эффект, так сказать, результаты от этих уступок. С присущим академиком оптимизмом Примаков слагает «выигрыши». Выигрыш, правда, один: растет популярность Советского Союза за рубежом. Не густо. Хотя есть еще один – созданы предпосылки для разоружения. В который уж раз: предпосылки есть, разоружения нет. Не надоело? И этот подход называется «абсолютно реалистичным»? Хочется добавить: верую, ибо абсурдно. Политический идеализм породил дефицит здравого смысла. К чему он привел?

Переговоры по сокращению вооружений в Вене и Женеве топчутся на месте. Самое главное – программа СОИ постепенно реализовывается. Имея в виду эту программу, М.С. Горбачев в свое время заявил, что если гонка вооружений выйдет в космос, то стратегический паритет превратится в стратегический хаос. Он же: «Уникальность, ... драматизм ситуации подчеркивает угроза выхода гонки вооружений в космос»¹. Следовательно, переговоры, не охватывающие космические военные программы, практически не имеют особого значения для судеб человеческой цивилизации. Итак, сдвигов в разоружении не наблюдается. Более того, Франция, которую столь ревниво обхаживает Советский Союз, намерена вернуться к планам создания нейтронного оружия, осужденного европейской общественностью.

А вот аналогичный вывод академика Г. Арбатова: «Нынешний курс США завел военно-политическую ситуацию, включая проблемы разоружения, в *глухой тупик*. Гонка вооружений усиливается (курс. мой. – Р.А.)»² Несмотря на это, правда, Арбатов «верит в здравый смысл американцев». Можно только позавидовать оптимизму академиков. Откуда только они его черпают?

Итак, что мы имеем в политике? Советский Союз неоднократно заявлял, что он не позволит превратить переговоры по разоружению, выражаясь словами Г. Арбатова, в «пропагандистский прием, в инструмент всеобщего надувательства». На самом деле именно это и происходит. Р. Рейган умело использует Женевские переговоры и различные контакты на высшем уровне для того, чтобы заткнуть рты всяческим либералам и утихомирить антивоенные всплески. Точно также

¹ Правда, 17 февраля 1987 г.

² Правда, 9 июля 1987 г.

используют эти переговоры и европейские страны. Советский Союз добавил какое-то количество очков в пользу мадам М. Тэтчер во время ее предвыборной борьбы в парламенте. Она умело использовала свой визит в Москву, который позволил ей предстать в качестве радетельницы мира, правда, с позиции силы. Рейган постоянно в своих речах подчеркивает, что только благодаря жесткой позиции США в отношении Москвы эта самая Москва идет на уступки. И Москва не устает подтверждать и подкреплять эти заявления Р. Рейгана, постоянно выдвигая «компромиссные» предложения-уступки. К. Маркс говорил: «Кого уговаривают, того признают господином положения»¹. Что же следует признать: господином положения являются США. В чем причина такой ситуации?

Деидеологизация внешней политики во имя мира или национальных интересов США?

Евтушенко в упомянутом выступлении употребил словосочетание «актерствующая политика», назвав ее опаснейшей «полунаукой». Именно этот термин приходит на ум при знакомстве с «новой философией внешней политики». Продолжим изучение ее «теоретической» части.

В упомянутой статье Примакова сформулированы пять постулатов, которые лежат в основе этой «новой» философии.

Первый из них гласит: раньше Советский Союз рассматривал принципы мирного сосуществования в качестве «передышки», ныне – они «жизненная потребность выживания человечества». К этому постулату примыкает еще один – о взаимоотношениях между идеологией и внешней политикой. Пишется: «Международные отношения вообще не могут быть той сферой, где решаются судьбы противоборства мирового социализма и мирового капитализма». И в этой связи выражается негодование относительно администрации Рейгана, которая придает «идеологическую окраску внешней политике США».

Первый постулат не нов даже для советской теоретической мысли. Еще до 1985 г. писалось, что цель мирного сосуществования «сохранить мир на Земле,

¹ Маркс, Энгельс. Собр. соч., т.8, с. 178.

предотвратить глобальный термоядерный конфликт, найти взаимоприемлемые основы для сотрудничества социалистических и капиталистических государств»¹.

Новое выражено в пятом постулате, призывающим деидеологизировать внешнюю политику. Парадокс. В 70-е годы в советской печати и научной литературе было запущено немало стрел против подобной концепции, которая приписывалась либеральной группе буржуазных (а также социал-демократических и ревизионистских) идеологий. Они обвинялись в том, что их деидеологизированная интерпретация принципов мирного сосуществования вела «к затуханию политической и идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, к постепенной конвергенции этих систем» (там же). Новое мышление, по крайней мере, не запрещает и, судя по всему, поощряет пользование старыми идеями буржуазных идеологов.

Насколько важны теоретические положения во внешней политике, свидетельствует практика. Вспомним 70-е годы. Годы разрядки, когда американцы действовали в духе нынешней советской интерпретации соотношения между идеологии и внешней политикой. Тогда США проводили прагматическую политику, предав забвению на какое-то время идеологические ценности Западного мира. Советский Союз, напротив, исходя из тогдашнего толкования, развивал разрядочный курс в тесной связи с идеологическими аспектами своей внешней политики. В «третьем мире» получали государственную помощь, вплоть до военной (Афганистан), именно те страны, которые идеологически и политически стояли и стоят на близких Советскому Союзу позициях. Действительно, неисповедимы пути господни. В 80-е годы все перевернулось, роли поменялись. Теперь уже СССР радуется за отделение идеологии от внешней политики, а США, наоборот, идеологизирует внешнюю политику, нередко вопреки своим же прагматическим интересам.

Но так ли это на самом деле? Можно ли в реальной, а не декларированной внешней политике «оторвать» от нее идеологию? Академик Примаков считает – можно. Пытаются это делать и в конкретной политике. Единственное, что обескураживает – так это результаты.

¹ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983, с. 374.

За попытками отделить идеологию от внешней политики проглядывается искреннее желание положительно решить проблемы войны и мира в пользу мира. На данном историческом отрезке идеология препятствует решению этой проблемы. Именно такой вывод вытекает из рассуждений Примакова. Однако академик явно забывает, что есть разные идеологии. Идеология, как у нас принято говорить, рабочего класса всегда соответствовала идеям мира, отвечала и отвечает коренным жизненным интересам всего человечества. Как подчеркивал в свое время В. И. Ленин, «...с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...»¹. Ныне высшим интересом является сохранение человеческой цивилизации. Если это так, то зачем же отделять миролюбивую идеологию Советского Союза от его государственной политики, также нацеленной на мир?

Эту точку зрения, кстати сказать, высказывают и некоторые американские ученые из стана пацифистов, критикуя свою американскую идеологию, построенную на идеях превосходства и насилия. Так, Дж. Шелл в книге «Судьбы земли» пишет, что «нет и не может быть такой идеи, такого блага, ради которого стоило бы развязывать ядерную войну, идти на коллективное самоубийство»².

Может быть, выдвигая столь сомнительный тезис об отделении идеологии от внешней политики, академик Примаков учел критику США, долгое время настаивающих на подобном делении? Или это, так сказать, очередная «уступка здравому смыслу»? Не исключено. Но скорее всего Примаков исходит из ненаучной, по крайней мере, не марксистско-ленинской трактовки понятия «внешняя политика». Судя по всему, он полагает, что внешняя политика связана только с деятельностью государства. Идеология же является предикатом класса. Следовательно, государство «отделено» от класса. Между прочим, такое понимание, а оно неизбежно вытекает из постулатов Примакова, действительно «новое» слово, которое можно вписать в актив новомышлизма. Из этих положений следует, что внешнюю политику проводят государства, лишённые идеологических, т.е. классовых характеристик. Все на одно лицо, и тогда, конечно, лозунг «Ребята,

¹ В.И. Ленин. ПСС, т.4, с. 220.

² J. Shell. The Fate of the Earth. NY, 1982, p.120-121.

давайте жить дружно!» звучит вполне логично. Эта та самая трактовка, которую лет тридцать отстаивает левое крыло буржуазной политологии.

Но вся проблема в том, что бесклассовых государств, если стоять на почве марксизма, не существовало и существовать не может. Само государство как институт власти и управления обязано своим появлением именно благодаря возникновению классов. Отрывать же государство или его внешнюю политику от идеологии – это не марксистская точка зрения. Политика сама по себе является отношениями между классами, а внешняя политика – это деятельность класса, направленная на достижение целей в сфере международных отношений. И деятельность эта реализуется не только через государство, но и через множество других каналов политического механизма того или иного общества. А потому любая внешнеполитическая деятельность, в какие бы сферы она не была обращена, непременно идеологизирована, так как она является деятельностью классов или их представителей, в том числе и в первую очередь в лице государства.

И в период разрядки, когда США якобы проводили прагматическую деидеологизированную внешнюю политику, идеология никуда не исчезала, и обращена она была прежде всего непосредственно на социалистические страны. Одна из основных целей разрядки в трактовке западных идеологов заключалась в том, чтобы путем смягчения межгосударственных отношений облегчить внедрение буржуазных идеологических ценностей в социалистические общества. Одним из результатов такой политики был всплеск инакомыслия /диссидентства/ в Советском Союзе.

Идея вычленения идеологии из межгосударственных отношений была доведена до абсурда более молодыми новомышлителями, предложившими «изъять» идеологию из категории «национальных интересов» Советского Союза. До абсурда потому, что если в государственной внешней политике, направленной на достижение многих целей и соответственно реализуемой через множество каналов государственного механизма, идеологию еще как-то можно ослабить, свернуть, минимизировать, то убрать идеологию из «национальных интересов» просто невозможно, так как «национальные интересы» – это и есть идеология. Ведь главным интересом государства внутри страны является сохранение

существующих политико-экономических отношений, вне – обеспечение условий для их воспроизводства. Для нас – социалистических отношений, для них – капиталистических. А это и есть идеология.

Именно так и формулируют «национальные интересы» США, которые первыми, кстати, и начали оперировать этой категорией. Президент Линдон Джонсон, в частности, сводил этот «интерес» к «поддержанию условий, в которых свободные общества могли бы существовать и процветать»¹. Весь порос обычно у них упирался в то, каким путем, какими средствами добиваться необходимых условий. Одни – минималисты – исходили из необходимости предотвращения «физической экспансии» коммунистических держав, другие – максималисты – путем «уничтожения всех врагов» Америки².

Обращает на себя внимание, насколько идеологизирована концепция «национальных интересов». Появившись на рубеже XIX-XX веков, она стала одним из важнейших идеологических инструментов американской буржуазии по обоснованию или прямому оправданию экспансии США за рубежом. В 60-е годы, правда, ученые из школы «политического реализма» придали ей оборонительный характер. В 80-е годы действует вариант доктрины «национальных интересов», сформулированных еще в начале 60-х годов консервативными политологами Р. Страус-Хюпе, В. Кинтером и С.Поссони. Они считают, что «в широком смысле всякая американская большая стратегия заключается, скорее, в сохранении и укреплении нашей политической системы, а не в поддержании мира... Если наша цель заключается в сражении с коммунизмом, то из этого вытекает, что наша первостепенная задача состоит не в сохранении мира любой ценой, а в разрушении агрессивной мощи коммунизма»³. Как известно, Рейган определяет задачи национальных интересов в аналогичных выражениях и терминах. Парадокс в том, что если американцы стремятся понятие «национальных интересов» чуть ли не полностью свести к идеологии, то наши теоретики, наоборот, пытаются освободить это понятие от идеологической окраски. И происходит странное единство мыслей у американских идеологов и наших противников идеологии. Доктрина

¹ *L. Johnson. A Time for Action. NY, 1964, p.74.*

² *S. Hoffman. Gulliver's Troubles. NY, 1968, p. 187.*

³ *R. Strauss-Hupe, W. Kinter, S. Possony. A Forward Strategy for America. NY, 1961, p.8.*

«национальных интересов», считает А.Н. Яковлев, является по сути дела доктриной «сдерживания», отбрасывания коммунизма¹. И наши новомышлители откликаются на эту доктрину, изымая социалистическую идеологию из национальных /государственных/ интересов Советского Союза. Полнейшая капитуляция. Американцы могут торжествовать. На важном идеологическом участке борьбы они близки к цели.

Здесь необходимо информировать читателя об одной вещи. Наши теоретики, начитавшись американских международников, явно упустили из виду, что доктрина «национальных интересов» чужда теоретической мысли приверженцев марксистской школы. Она плоть от полоти порождение империалистической, американской идеологии – идеологии верховенства США в мировой политике. Таким образом она оценена всеми советскими политологами и международниками, изучавшими эту доктрину². Например, А.Н. Яковлев пишет, что она [доктрина] «по своей сути ...служила и служит шовинистическим оправданием верховной цели США – достижению мирового господства»³. Эта цель отнюдь не снята с повестки дня. М. С. Горбачев в речи на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», говоря о США, подчеркивал: «Взгляд на мир как на свою вотчину, произвольное провозглашение зон своих "жизненных интересов" сохраняется и сегодня»⁴.

Кроме того, наши теоретики не видят различий между доктринами «национальных интересов» и «национальной безопасности». Может быть, и потому, что американские политологи, к которым они относятся с нескрываемым пиететом, сами четко не осознают этих различий. А они существенны. Если доктрина «интересов» упор делает на цели и на задачи внешней политики США, то вторая – доктрина «безопасности» – концентрирует внимание на средствах их

¹ А.Н. Яковлев. Идейная нищета апологетов «холодной войны». М., 1961, с. 106. – Нынешний А.Н. Яковлев уже вряд ли подписался под такими суждениями. Как потом выяснилось, именно он был одним из создателей «нового мышления».

² К примеру, см.: А Каренин. Философия политического насилия. М., 1971; В.Ф. Петровский. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

³ А.Н. Яковлев. От Трумена до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984, с.219.

⁴ Правда, 17 февраля, 1987 г.

достижения. И в качестве главного средства выдвигаются военные. Мы же, оперируя той же категорией безопасности, стремимся обосновать необходимость достижения целей иными, невоенными средствами. Именно таким образом высвечена эта категория в речи Э. Шеварднадзе на встрече в Вене представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В ней было сказано: «Новые параметры приобретает и понятие безопасности. Оно все больше предстает как задача создания совместными усилиями политических и материальных, организованных и иных структур сохранения мира, которые исключали бы саму возможность возникновения войны»¹.

Требование взять на вооружение концепцию национальных интересов взамен марксистско-ленинской концепции интересов социалистического государства, да еще в деидеологизированном варианте, находит свое практическое подтверждение в серии «компромиссных инициатив», в готовности со стороны некоторых ее приверженцев удовлетворить территориальные претензии Японии к СССР, в некритическом отношении к экспансионистской политике Франции в Африке и ее ядерным испытаниям на Тихом океане и т.д. Остается последняя «уступка здравому смыслу» – уступка *социализмом*.

Уильям Ростоу – один из отцов теории конвергенции – может торжествовать. Наконец-то, его теория нашла адептов в Советском Союзе. Они немногочисленны, но весьма влиятельны. Еще немного усилий, еще несколько ударов по здравому смыслу и ... цель «национальных интересов» США может быть достигнута. По крайней мере, помощь со стороны теоретиков «нового мышления» им обеспечена. Но не будем иронизировать. Речь идет о серьезных вещах.

«Цена» паритета и реальное соотношение сил

Существует очень важная причина капитуляции перед западной идеологией, которая и нашла свое отражение в концепции деидеологизации внешней политики и мирного сосуществования как одного из важнейших принципов этой политики. Причина эта поважнее названных выше. Мирное сосуществование как форма

¹ Правда», 6 ноября, 1986 г.

классовой борьбы перестала работать на социализм. Если раньше реализация этого принципа в отношениях с капиталистическими и особенно с развивающимися странами демонстрировала преимущества социализма над капитализмом, то в 80-е годы не только за пределами социалистической системы, но и внутри этой системы, автоматическое превосходство социализма перед капитализмом было поставлено под сомнение. Застойные явления в советской экономике, отставание в сфере науки и техники от основных капиталистических государств стали очевидными для всех. Низкий уровень экономической помощи развивающимся странам по сравнению с аналогичной помощью трех центров капитализма был внешним проявлением кризисной ситуации в СССР. В то же время наращивание военной помощи антиимпериалистическим силам «третьего мира» было воспринято мировой общественностью как экспансия социализма. В общем-то эти явления были характерны и для 70-х годов. Мы просто закрывали глаза на них. Но не они. Не случайно многие коммунистические и рабочие партии развитых капитран проявили склонность отмежеваться от «советской модели» социализма, взамен выдвигая национальные и региональные варианты, например, в форме еврокоммунизма.

Само собой, существенное значение в подобной метаморфозе имела подвижка в соотношении сил на международной арене. В эпоху разрядки произошло территориальное сужение сфер влияния империалистических центров: в Африке «выпали» Эфиопия, Ангола, Зимбабве, Мозамбик; на Ближнем и Среднем Востоке – Иран, Афганистан, распался Багдадский пакт; в ЮВА – поражение США в Индокитае, распустился блок СЕАТО. Вне зависимости от того, какое отношение к этому «выпадению» имел Советский Союз, США увязали названные события именно с разрядкой, с паритетом, т.е. с Советским Союзом. И как реакция на такой ход событий – ужесточение внешней политики, попытки приобрести превосходство в военной силе. Начинается новый, более мощный раунд гонки вооружений. И вопрос о войне и мире приобретает форму гамлетовского вопроса, поставленного уже в отношении всего человечества: быть или не быть. В такой ситуации, конечно, не до идеологии.

В результате, идеологию – подальше от межгосударственных отношений, а принцип мирного сосуществования фактически сведен к одной цели – выжить.

Здесь надо иметь в виду еще одну теоретическую деталь. Поначалу мирное сосуществование возникло в виде *принципа* внешней политики. Но, как говорил Ленин, «принципы – это не цель, не программа, не тактика и не теория»¹. Целью же внешней политики советского государства, указывается в Программе КПСС, является «обеспечение благоприятных внешних условий для совершенствования социалистического общества и продвижению к коммунизму в СССР; устранение угрозы мировой войны, достижение всеобщей безопасности и разоружения»².

Таким образом, принцип мирного сосуществования совпал с целью внешней политики – устранить угрозу мировой войны. Именно этот подход предлагается США и другим ядерным державам. Но их руководители, также очень часто говоря о мире, не забывают упомянуть о необходимости отстоять свои западные ценности, т.е. капиталистическую идеологию. Беда в том, что у них другие приоритеты. В афористичной форме иерархию ценностей выразил историк Ричард Пайпс: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Взаимоотношения между США и СССР, между странами НАТО и Варшавского договора, в том числе и на различных переговорах, свидетельствуют об одном: все эти призывы к миру, к разоружению, к ограничению гонки вооружений; все эти взывания к совести, красоте и разуму не находят должного отклика у противоположной стороны. Они не срабатывают в реальной политике. Одна простая вещь не дает реализовать себя – идеология свободного предпринимательства, то есть экономика капитализма. А это очень серьезная штука, о которой Ленин говорил: «Никакой политической мерой нельзя закрыть экономики»³.

И здесь пора вспомнить еще об одном «новом» постулате Примакова. Он пишет, что «раньше противоборство двух мировых систем – социалистической и капиталистической – рассматривалось без их "взаимосвязи"» (там же). В качестве категории «взаимосвязь» он включает: выживаемость и развитие всемирного

¹ В.И. Ленин. ПСС, т.44, с.24.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1997, с.170.

³ В.И. Ленин. ПСС, т.30, с.99.

хозяйства. Неизвестно, кто «раньше» обходился без этой категории? Вся западная литература в 70-е годы только и твердила о ней. Да и у нас было достаточно работ на эту тему. К примеру, академик Н.Н. Иноземцев неоднократно писал о «всемирном хозяйстве» и об «экономическом взаимодействии двух мировых рынков»¹. К «рынкам» мы еще вернемся. Пока о «выживаемости». Вся проблема в том, что Запад не просто хочет «выжить», а выжить с победой над социализмом. Идеолог американского консерватизма Н. Подгорец подчеркивал, что война идей «является, может быть, даже более решительной, чем любая военная конфронтация»². Подытожил бывший госсекретарь А. Хейг: «Есть вещи поважнее мира». Вот ведь в чем незадача.

Отступить в политике, наступать в экономике

Для начала уместно привести две цитаты. Знаю, как неомышленты не любят классиков марксизма-ленинизма, ну пусть уж меня извинят за ортодоксальность. Одна принадлежит Ф. Энгельсу. В письме Августу Бебелю он писал: «...податливостью и уступками противникам мы ничего не добьемся. Лишь благодаря упорному сопротивлению мы заставили уважать себя и стали силой. Только сила внушает уважение, и лишь пока мы сила, филистер нас уважает. Того, кто идет на уступки филистеру, тот для него не сила. Можно дать почувствовать железную руку сквозь бархатную перчатку, но необходимо, чтобы ее почувствовали»³.

Другая цитата принадлежит Ленину. Конкретизируя свои предложения о «цене» компромисса, Ленин писал: «Нам надо будет поставить себе за правило не делать политических уступок международной буржуазии... если мы не получим взамен более или менее равноценных уступок со стороны международной буржуазии по отношению к Советской России или по отношению к другим отрядам международного, борющегося с капитализмом, пролетариата»⁴.

¹ Правда, 27 мая 1977 г.

² Цит. по: Коммунист, 1984, №16, с.25.

³ Маркс, Энгельс. Собр. соч., т.36, с. 207.

⁴ В.И. Ленин. ПСС, т.45, с.142.

Как видно из приведенных цитат, классики крайне отрицательно относились к уступкам противникам, и уж если обстоятельства вынуждали идти на них, то только взамен «более или менее равноценных уступок». Важно так же и то, что противник уважает только *силу*. И если эта сила потеряна, то никакие ухищрения, никакие уступки не могут.

Означает ли это, что классики апологизируют силу? Ни в коем случае. Просто они прекрасно знают характер противника, идеологию буржуазии, преклоняющейся только перед силой. Они реалисты, им чужд пацифистский идеализм, уповающий на силу совести, красоты и здравого смысла. Великолепный знаток мировой истории К. Маркс подчеркивал: «При столкновении двух равных прав решает сила»¹. Можно сказать и иначе: где права сила, там бессильно право. Ленин, досконально изучивший психологию капитализма, писал: «А раз соотношение силы изменилось, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречий кроме как в *силе* (курс. – В.Л.)»².

Итак, мы подошли к одной из главных причин, с одной стороны, побудившей США к активизации давления на Советский Союз, с другой – объясняющий логику «уступок здравому смыслу». Ее можно понять через категорию силы.

Определим ее следующим образом: *сила* – это способность субъекта (класса, государства и т.д.) изменять структуру политических отношений внутри общества или на международной арене. Направление «изменений» зависит от внутренних и внешних целей. Для Советского Союза внутренней целью является совершенствование социалистического общества и продвижение к коммунизму; внешней целью – обеспечение благоприятных условий для выполнения названных внутренних целей. В нынешней ситуации внешняя цель главным образом сводится к предотвращению ядерной войны. В иерархии приоритетов эта цель главная, так как без ее реализации невозможно выполнить и внутренние цели. В течение послевоенного времени эта внешняя задача выполнялась, что снискало Советскому Союзу заслуженную политическую славу. Но какой ценой?

¹ Маркс, Энгельс. Собр. соч., т. 1, с. 246.

² В.И. Ленин. ПСС, т.27, с.394.

В немалой степени это стало возможным в ущерб решению внутренних задач. Строительство социализма резко притормозилось, особенно в 70-е годы. Уместно в этой связи вспомнить еще одно «открытие» Примакова, который в своей статье пишет о следующем «новшестве»: «Может быть, никогда раньше так не проявлялась, как сегодня, ограниченная связь между внутренней и внешней политикой нашей страны» (там же).

«Связь» проявлялась всегда. Другое дело, что мы ее не хотели замечать. В 70-е годы она проявилась в том, что поддержание военно-стратегического паритета потребовало существенно урезать экономический потенциал страны в гражданских секторах. А это явилось одной из причин снижения уровня жизни советских граждан.

Слабость нашей экономики сказалась и на наших внешнеэкономических возможностях. Уже приводилось высказывание о «взаимосвязи» и «взаимозависимости» двух рынков. Однако они выглядят голословными без привидения статистических данных, подтверждающих эту «взаимосвязь». Действительно, если бы речь шла о двух хозяйственных рынках в отдельности, то следовало бы признать высокую степень их «взаимозависимости». Посмотрим, однако, какова доля социалистических стран, например, в совокупной торговле с капиталистическим миром. Окажется, что эта доля составляет где-то 3-4%. Если же говорить отдельно по импортно-экспортным позициям, получится, что доля социалистических стран в экспорте Запада несколько превысит отметку 4%, а импорта – составит менее 3%. Да и может ли она, эта доля, быть внушительной, когда за вычетом торговли СССР в рамках СЭВ, на остальной мир приходится 40-50 млрд рублей, в то время как экспорт Японии только в США составляет около 80 млрд долл. Имея в виду такую мизерную долю социалистических стран в торговле, не говоря уже о еще более мизерной долях в других видах экономического сотрудничества, можно ли заключать о «взаимосвязях» двух рынков, о «мировом хозяйстве»? Не потому ли страны Западной Европы и Япония столь податливы на требования США свернуть или ослабить торгово-экономические связи с СССР? Один из последних примеров – реакция Токио на давление Вашингтона в связи с деятельностью компании «Тосиба» в Советском Союзе.

И вот нас здесь подстерегает каверзный вопрос: как же тогда Советский Союз, несмотря на все неблагоприятствования в экономике, поддерживал военно-стратегический паритет или примерное равенство военных сил? Причем в условиях неадекватных экономических потенциалов США и СССР.

Существует, вернее, существовал ряд факторов, позволявших Советскому Союзу выдерживать гонку вооружений с США. Если коротко, то нас выручала политика. Не *наша* политика, а *их* политика. Политика внутри каждого капиталистического государства, политика между ними. При капитализме борьба пронизывает не только отношения между рабочими и буржуазией – борьба ведется и в среде самого господствующего класса. Эта борьба за ту или иную линию поведения на международной арене, за военные заказы между различными компаниями, борьба между государством и монополиями. Все это снижало *согласованность* в выработке единой государственной стратегии в военной области. В определенной степени эта стратегия расшатывалась антимилитаристской борьбой прогрессивных слоев общества. Ответные действия против борцов за мир, в свою очередь, требовали материальных затрат, которые «урезали» экономическую мощь империалистических государств. А отсутствие «национальной воли» в каждой из стран НАТО плюс противоречия между ними на уровне правительств по военным вопросам, а также в других сферах оказывали дополнительное воздействие со знаком минус на военную политику империализма и на его военную мощь.

В то же время у социалистических стран нет таких проблем, поскольку военная политика носит оборонительный характер, встречает поддержку со стороны населения. И этот фактор приобретает значение, равное увеличению реальной экономической мощи социалистических государств. К этому следует добавить действия национально-освободительного и мирового коммунистического движения (НОД и МКД) на международной арене. Поскольку и то, и другое носит ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, то нейтрализация этих движений, естественно, съедала еще одну часть ресурсов, канализованную в политику по данным направлениям. Таким образом, все эти факторы-минусы распыляли экономический потенциал империалистических государств, доводя его

остаток до примерного уровня потенциала социалистических стран. Но долго так продолжаться не могло.

На рубеже 70-80-х годов появились первые симптомы, если можно так выразиться, системного кризиса. Ее предвестником явились события в Польше, ввод вьетнамских войск в Кампучию, советских – в Афганистан. С одной стороны, эти акции вызвали резко-негативный международный резонанс, с другой – содержание этих войск легло тяжелым финансовым (не говоря уже о моральном) бременем на экономики СРВ и СССР. «Обнаружились» громадные долги социалистических стран Западу. Новые руководители Советского Союза начали осознавать слабость экономики, порождавшую социальную напряженность в обществе. Эти факторы вызвали «потребность в оптимизации соотношения между производительными и военными расходами, необходимыми для надежной безопасности страны». И в этом отношении академик Примаков прав. Другими словами, экономический и научно-технический потенциал СССР уже не дает возможности «зеркально» соответствовать военному потенциалу США, тем более что функцию сдерживания может выполнять и асимметричная структура вооруженных сил. Отсюда-то и появилась идея о «разумной достаточности» военных средств. Все эти минусы обернулись плюсами для США. Но на этом наши минусы не кончаются.

Как говорилось, кризис в советской экономике в значительной степени дискредитировал социализм на международной арене. Он перестал быть привлекательной моделью социального развития в странах «третьего мира». Значительно большей завлекательностью предстает для них японская модель развития. Достаточно вспомнить лозунги Малайзии или Сингапура: «Смотри на Восток», «Учись у Востока», т.е. у Японии.

Мировое коммунистическое движение как организованный субъект мировой политики фактически перестал существовать. С одной стороны, в связи с изрядно поблекшим образом социализма, с другой – в связи с возросшим уровнем жизни в странах развитого капитализма и НИС¹. Короче, авторитет идеологии социализма

¹ Ново-индустриализирующиеся страны (НИС) – тогда так обозначались Южная Корея, Малайзия, Тайвань и Сингапур.

упал. Соответственно, снизились и расходы США, ранее направлявшиеся против НОД и МКД.

В 80-е годы также укрепилась тенденция сплочения трех центров империализма (США, Западная Европа и Япония). Противоречия в политике, особенно в военной политике хотя и сохраняются, но потеряли былую остроту.

Наконец, экономика США (на базе раскритикованной нами рейгономики) продемонстрировала тенденцию к развитию. И самое главное, ее оздоровление сняло, или по крайней мере существенно ослабило социальную напряженность. В результате все бывшие минусы стали для США плюсами, к которым добавились и наши минусы. Такая ситуация, естественно, вызвала намерения у руководителей США воспользоваться конъюнктурой, сделать рывок в военной области, стратегически опередить Советский Союз и ограничить сферу его геостратегического влияния.

Следует подчеркнуть, что подобные намерения естественны для любой империалистической державы, тем более для США, «ибо, – как писал Ленин, – при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т.д.» (курс. – *В.И.*)"¹. А уж чего-чего, а считать американцы умеют.

Что же из всего сказанного вытекает? Первое, к чему постоянно призывал Ленин, «не морочить самих себя, иметь смелость признать то, что есть»². Именно в такой постановке вопроса видится суть Нового мышления. Перестать убаюкивать себя идеалистическими лозунгами типа «Ребята, давайте жить дружно!» Вашингтонские «ребята», для которых аргумент силы всегда предпочтительнее силы аргумента, никогда не согласятся на дружбу со слабым противником. А то, что их противник – Советский Союз – ныне слаб – это второе, что необходимо признать с полной ответственностью, если мы не хотим оставаться в плену иллюзий. Разве не иллюзия так называемого «нового мышления» является ряд инициатив, в том числе программа поэтапной ликвидации ядерного оружия.

¹ *В. И. Ленин. ПСС, т.27, с.417.*

² *В. И. Ленин. ПСС, т.1, с.407.*

Академик Г. Арбатов умиляется: «...как они изменили обстановку, психологический настрой и политическое мышление в мировом сообществе!» И тут же дает реакцию США: «Что же услышали за это время народы мира от США? К сожалению, в основном препоны старых тем. Тем противоборства и вражды, "черно-белого" мира, мобилизация сил "абсолютного добра" против сил "зла и тоталитаризма"»¹. Вот и весь результат. Результат, которая ожидает и следующая порция мирных инициатив. И ничего другого мы не услышим, пока не перестанем выдавать желаемое за действительное и пока не научимся действительность превращать в желаемое.

Р. Алиев [А. Бэттлер]

Октябрь 1987 г.

* * *

Данная статья была представлена к публикации в журнале "МЭиМО" (в октябре 1987 г.). Два зам. редактора, Сергей Чугров и Иван Целищев (главный редактор Г. Дилигенский в то время отсутствовал в Москве) дали такие заключения. Чугров: «Автор не видит реальностей, возникших после апрельского Пленума. Его концепция противоречит основным идеям «нового политического мышления», изложенным в партийных документах. Статья нуждается в обсуждении». Целищев: «Полагая, что статья неприемлема политически; она направлена против линии XXVII съезда. Неприемлем и характер изложения, не соблюдена этика научного спора. Считаю необходимым обсудить на редколлегии». 17.09.87. (оригинал у меня сохранен).

Вместо редколлегии было собрано нечто вроде полудирекции, полуредколлегии (из участников запомнил: В. Гантмана /его вытащили больного/, О. Н. Быкова, В. Барановского, Э. Позднякова. «Другие» имена стерлись в памяти). Естественно, все осудили мою антипартийную линию. Единственный – В.

¹ Коммунист, 1987, №2, с.114-115.

Барановский высказался в том смысле, что хотя с идеями автора можно не соглашаться, но почему бы ему не дать возможность высказать их в журнале.

Как мне позже сообщили, команду «зарубить» статью дал сам Е.М. Примаков, который в то время возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), где я работал.

Прав оказался все-таки я, а не они, столь раболепно следовавшие партийным документам. Но дело в том, что многие из них действительно верили в «новомышлистскую» галиматью, точно также как в возможность реализации концепции «Тихоокеанского сообщества», выдвинутую японцами в начале 80-х годов, а также в возможность формирования японо-китайского альянса после подписания Токио и Пекином «Договора о мире и дружбе» в августе 1978 г., и во многую другую чепуху. Такая вера свидетельствует о качестве их анализа, об их качестве как ученых. И это те самые ученые, которые быстро перекрасились в антикоммунистов, в прозападных демократов. И ныне, когда я читаю или слышу их болтовню о многополярном мире, о России как великой державе, я их воспринимаю как научных работников, задача которых заключается вторить официальным заявлениям, теоретически «подтверждать» официальные документы. Такой подход, между прочим, хотя к науке не имеет никакого отношения, но позволяет делать научную, а иногда и политическую карьеру. Яркий пример – академик Е. Примаков.

Поэтому мой совет молодым: если заботишься о карьере, будь попугаем, повторяй то, что говорят там, наверху. Если же интересуется наука, карьеры не видать, но есть шанс войти в историю, при условии ...открытия законов и закономерностей. Шанс, правда, небольшой. Так что выбирайте.

Алекс Бэттлер

14.02.2019